

ТЕМА ХАЛКИДИКИ

Среда, 28 января 2026 г.

«Каподистрия: Построение государства с нуля - роль России и утраченные балансы»

Интервью с Сергеем Пинчуком - Галанис Вики Байрактари

В обширном и содержательном интервью с греческим историком, представителем греческой диаспоры Сергеем Пинчуком-Галани освещаются титанические вызовы, с которыми столкнулся Иоаннис Каподистрия, приняв на себя управление разрушенной страной без государства, экономики и централизованной власти. Одновременно анализируется решающая роль России в рождении греческого государства, конфликты с западными державами и исторические противоречия с современными греко-российскими отношениями. Дискуссия связывает прошлое с настоящим и поднимает важные вопросы о национальном суверенитете и международных балансах.

— Какова была самая большая проблема, с которой столкнулся Иоаннис Каподистрия как первый правитель Греции?

— Главной и, скажем так, экзистенциальной проблемой для Иоанниса Каподистрия, когда он принял бразды правления Грецией, стало полное разрушение страны. Греция была разделена гражданскими конфликтами и истощена национально-освободительной борьбой. Государства как такового еще не существовало. Это был рыхлый союз материковых и островных регионов, где власть осуществлялась различными местными группами и «фракциями».

Если суммировать, то правление Каподистрии было отмечено тремя главными вызовами:

- **Полный экономический коллапс и нищета:** Греция была разорена, казна пуста. Население, резко сократившееся из-за войны, страдало от голода и эпидемий.
- **Сопrotивление местных феодалов:** Традиционные элиты – землевладельцы и судовладельцы – яростно защищали свою власть.
- **Давление «великих держав»:** Каподистрия был вынужден балансировать между интересами России, Англии и Франции, каждая из которых боролась за влияние в молодом государстве.

Прибыв в Грецию, Каподистрия столкнулся с реальностью, где государство практически не имело казны. Был так называемый «гипотетический отчет» («προϋπολογισμός»). Доходы разоренной страны еле составляли пять миллионов франков в год, а расходы (говоря округленно, на основании греческих данных Комитета по бухгалтерскому учету) составляли порядка 9 миллионов франков. Субсидии, которые предоставлялись Греции Россией и Францией, не превышали пятисот тысяч франков в месяц, да и то высылались они крайне неаккуратно.

Налоговые поступления Греции (наряду с доходами от таможенных пошлин и т. д.) покрывали примерно чуть более трети расходов на содержание государственного аппарата, армии и флота.

Эффективная система прямого налогообложения отсутствовала, что затрудняло сбор внутренних доходов. В Греции все хотели получать, но никто не хотел отдавать. Как указывали аудиторы Каподистрии в докладе Троицинскому собранию 1827 г.: «Местные общины хвастаются тем, что их регион никогда не платил налоги и никогда не допустит введения всеобщего налогообложения».

В январе 1828 года новое правительство Каподистрии столкнулось с вопросами выплат внешнего долга в 2 800 000 фунтов стерлингов, или 71,4 миллиона франков. Речь идет о так называемых «Лондонских займах» 1824–1825 годов, которые Греция получила на крайне невыгодных условиях (на руки дошло менее половины номинальной суммы), что стало тяжелым бременем для администрации Каподистрии. Эта сумма более чем в 7 раз превышала годовой бюджет Греции конца 1820-х годов. Встал вопрос об оплате процентов в размере 1,5 млн. франков по этому займу.

Плюс нарастала проблема внутреннего долга – это еще примерно 30 млн. франков.

Как ему было выжить в такой ситуации? Как не отчаяться, не бросить все и уехать в тихую и спокойную Швейцарию? Ума не приложу...

Плюс повсеместные интриги, беззаконие, приписки, коррупция.

Военачальники и «капитаны» требовали денег на содержание армии в 35 тысяч человек, а аудит, проведенный подчиненными Каподистрии, показал, что их по факту не более 15 тысяч...

Как писал сам Каподистрия своему другу швейцарскому банкиру и филэллину Эйнарду в 1831 году: «Греция находится в XII или XIII веке... Правительство должно привести ее в нынешнее столетие».

Его миссия заключалась в создании централизованного государства фактически с чистого листа, на фоне колоссальных финансовых и политических препятствий. Каподистрия, по сути, возводил Грецию с нуля, вступая в титаническую схватку с колоссальными финансовыми и политическими трудностями.

— Сергей, каково было отношение и политика России к Греции в эпоху Каподистрия? Активно ли она поддерживала её независимость или существовали также ограничения и интересы, которые влияли на их отношения?

— В эпоху Иоанна Каподистрии (1820-е — начало 1830-х гг.) политика России в отношении Греции была двойственной: страна выступала главным гарантом греческой свободы, но её действия сдерживались приверженностью монархическому легитимизму и интересами в рамках «Священного союза». Тем не менее, Россия, кто бы и что не говорил, сыграла важную роль в обретении Грецией свободы и независимости. Россия на протяжении всей своей истории много раз проявляла эти образцы удивительного и несвойственного другим странам государственного альтруизма. По-другому это явление не назовешь, так как особых льгот и преференций от обретения Грецией независимости Россия не получила.

Напомню читателям. В 1828 году именно Россия первой установила с Грецией официальные дипломатические отношения. Кульминацией стало уничтожение турецко-египетского флота в

Наваринском сражении (1827) силами союзной эскадры, где русские корабли сыграли ключевую роль.

Однако турки вовсе не были сломлены этим поражением, как считают многие обыватели и даже историки. Решающий удар по турецким вооруженным силам был нанесен Россией в ходе русско-турецкой войны 1828–1829 гг. Его итогом стало подписание Адрианопольского мира, по которому Турция была вынуждена признать автономию, а затем и независимость Греции. И на дипломатическом «фронте» именно Россия практически одна выступала за национальные интересы Греции. Из документов Архива внешней политики Российской империи явствует, что английские и французские агенты в Греции уже в 1829 г., опираясь на английский флот и французский экспедиционный корпус, всячески препятствовали распространению власти греческого правительства на очищаемые от турецких войск области Греции. Тем самым Англия и Франция стремились фактически сузить территориальные пределы создаваемого греческого государства.

Известно, что и в дальнейшем англичане и французы всячески препятствовали воссоединению в едином греческом государстве многих исконно греческих территорий. По настоянию англичан и поддержавших их французов в 1830 г. в состав Греции не были включены такие греческие территории, как остров Крит и области Акарнания, Этолия, Фессалия. Ионические острова оставались в руках англичан до 1864 г. В 1878 году англичане также воспользовались очередной русско-турецкой войной и «прибрали» путем искусной дипломатии к своим рукам остров Кипр, фактически выдернув из орбиты Греческого мира, не дав объединиться в рамках единого государства. А ведь Кипр, родина предков Иоанниса Каподистрии по материнской линии, по планам первого правителя Греции должен был еще тогда стать частью единого греческого государства.

Что же касается России, то она полностью поддерживала стремление греков добиться воссоединения всех греческих земель в едином государстве. Известно, например, указание русского правительства командующему русской эскадрой в Средиземном море вице-адмиралу Гейдену способствовать стремлениям греков «распространить свои границы на запад, восток, север и Архипелаг настолько, насколько это им необходимо для образования прочного и крепкого государства».

Как явствует из переписки Каподистрии с Нессельроде – российским министром иностранных дел, греческое правительство, со своей стороны, также возлагало основные надежды при решении вопроса о греческом государстве на Россию. Русская дипломатия во время происходивших в 1829 и 1830 гг. в Лондоне переговоров трех держав по греческому вопросу постоянно выступала в защиту греческих территориальных интересов.

По мере освобождения территории Греции, разоренной восьмилетней войной, для греческого правительства все большую остроту приобретал вопрос об экономической помощи Греции со стороны трех держав. Западные державы использовали экономическую слабость Греции с целью постоянного давления на ее правительство. Греческое правительство намеревалось добиться

крупных займов в западных странах на основе трехсторонней гарантии правительств России, Англии и Франции. Подобная гарантия нейтрализовала стремления западных стран к экономическому закабалению Греции. Россия настойчиво поддерживала просьбу Греции о предоставлении займа, но западные державы всячески затягивали решение этого вопроса. В создавшейся обстановке русское правительство пошло на предоставление Греции значительных субсидий. Оказываемая Россией финансовая помощь использовалась, как видно из публикуемых документов, на строительство школ, помощь мелким хозяевам и т. д.

По имеющимся данным, финансовая помощь, полученная греческим правительством от правительства России в течение 1827-1830 гг., составила 3,5 млн. франков, не считая средств, предоставленных русской православной церковью. Кроме того, в эту сумму не входят постоянные вспомоществования, которые оказывались греческому населению в течение всех лет войны и после нее русскими дипломатическими и консульскими агентами.

«Мы существуем в настоящее время за счет экономии в средствах при расходовании миллиона, предоставленного в мое распоряжение императором в августе 1827 г. Я не знаю, что буду делать, когда иссякнет этот источник», пишет граф Каподистрия в 1829 году министру иностранных дел России. То есть фактически в самый напряженный период борьбы греческого народа за свою независимость с 1827 по 1829 годы – греческое государство продержалось только за счет русской субсидии.

Как видно из публикуемых документов, большая и всесторонняя поддержка со стороны России способствовала скорейшему превращению Греции в независимое государство, что еще больше укрепляло традиционные узы дружбы между русским и греческим народами.

И напоследок скажу, что последнее письмо, которое Каподистрия оставил на своем письменном столе перед своей трагической смертью в церкви Святого Спиридона было адресовано... русскому филэллину Николаю Райко. Этот русский офицер на протяжении четырех лет, отказываясь принимать жалование от греческого правительства, командовал крепостью Паламиди, был военным комендантом Патраса, занимал должность заместителя начальника артиллерии и заслужил полное доверие первого правителя Греции за свою «душевную чистоту». Кстати, мало кто знает, что Райко был родным внуком императрицы Екатерины II и ее фаворита Григория Орлова...

— Зная отношение России к Греции в эпоху Каподистрия, как бы вы прокомментировали нынешние греко-российские отношения?

— Нынешние греко-российские отношения представляют собой разительный контраст с «золотым веком» эпохи Каподистрии, когда Петербург играл ключевую роль в становлении греческой государственности. Если в начале XIX века обе страны объединяла общая геополитическая цель – создание независимой православной Греции, то сегодня они оказались по разные стороны сложного и многогранного глобального разлома. При этом, важно отметить, что

этот разлом не обязательно является тектоническим и непреодолимым. Многое в его динамике зависит от внешних факторов в нашем стремительно меняющемся мире.

Если в эпоху Каподистрии отношения строились на созидании новой Греции, вдохновляя на общие победы, как это было у Наварино, то сейчас они, к сожалению, находятся в фазе демонтажа наработанных за долгие годы связей с Россией. Созидательный, общий победный дух уступил место жесткой логике блокового противостояния.

В то же время, на уровне простого человеческого общения, сохраняется взаимная тяга, интерес и, я бы даже сказал, ностальгия по временам более тесного взаимодействия. Думаю, что нам всем, и в первую очередь представителям гражданского общества наших стран, необходимо работать над восстановлением и даже возрождением полуофициальных контактов, прежде всего в сфере культуры и образования. Все конфликты, какими бы острыми они ни были, рано или поздно заканчиваются. Ведь даже древние Афины, несмотря на кровопролитное многолетнее противостояние, находили общий язык с воинственной Спартой.

— Если бы он был жив сегодня, как бы, по-вашему, он себя чувствовал и насколько другой была бы Греция?

— Представить, как бы себя чувствовал Каподистрия сегодня, и насколько иной была бы Греция – это, конечно, полная фантастика, так как реально вписать человека в другой исторический контекст невозможно. Однако, попытаемся пофантазировать.

Думаю, что как человек он испытал бы культурный шок, глядя на то, как в лучшую сторону преобразились Афины и Греция в целом.

С другой стороны, его бы наверняка поразила демографическая картина. Увидев разнообразие национальностей в Афинах, он мог бы, в шутку, подумать, что войска Ибрагим-паши до сих пор и не покинули Пелопоннес. Для человека, видевшего сожженные деревни, современное многообразие могло бы показаться результатом “капитуляции без боя”. Его Греция была “Грецией для греков”, объединенной верой и кровью. Современная же – европейский перекресток миграционных путей, где национальный флаг соседствует с вывесками на множестве языков.

Если бы он попытался вернуться в политику, его бы, вероятно, сразу записали в “агенты Москвы” и назвали “маргиналом”, лишив трибуны и прессы. Как международник, он был бы разочарован жесткой привязкой Греции к одному центру силы, ведь его идеалом была нейтральная “Швейцария Востока”.

Как верующий человек, он бы, вероятно, испытал глубокое потрясение от кризиса православия, ведь вера была для него фундаментом идентичности.

Аскетичный трудоголик, боровшийся с коррупцией, Каподистрия пришел бы в негодование от сложной забюрократизированной системы ЕС. Каподистрия верил в «общественный контроль» через образование и просвещенную бюрократию. Увиденное им

“среднее качество” бюрократии, где национальные особенности стерты в угоду стандартным процедурам, стало бы для него главным разочарованием.

Несмотря на эти фантазии, слова самого Каподистрии, сказанные накануне его смерти своему другу банкиру Эйнару, лучше всего характеризуют его: “ни страх пред интригами... ни боязнь пред длинными столбцами некоторых журналов не могут меня отвратить от пути, которым я следую... о людях судят не по тому, что о них говорят и пишут, но на основании свидетельства их собственных деяний. Сильный таким убеждением, я прожил, согласно моим принципам, до самого склона моей жизни и был тем доволен. В настоящее время мне уже невозможно переменить свой образ действий: я буду поступать так, как я должен поступать, а там пусть будет, что будет...”